

237. АПЕЛЛЯЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЮРИСДИКЦИИ СОВЕТА ИКАО ПО СТАТЬЕ 84 КОНВЕНЦИИ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ (БАХРЕЙН, ЕГИПЕТ, ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ И САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ПРОТИВ КАТАРА)

Резюме решения от 14 июля 2020 года

14 июля 2020 года, Международный Суд вынес решение по *Апелляции относительно юрисдикции Совета ИКАО по статье 84 Конвенции о международной гражданской авиации (Бахрейн, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия против Катара)*.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян; судьи *ad hoc* Берман, Доде; Секретарь Готье.

*

* *

Прежде всего, Суд напоминает, что 4 июля 2018 года в соответствии со статьей 84 Конвенции о международной гражданской авиации («Чикагская конвенция») Бахрейн, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия подали в Секретариат Суда совместное апелляционное заявление в отношении решения Совета Международной организации гражданской авиации (ИКАО) от 29 июня 2018 года, вынесенного по делу, возбужденному Катаром против этих государств 30 октября 2017 года. Этим решением Совет ИКАО отклонил предварительные возражения государств-заявителей о том, что он не обладает юрисдикцией «для вынесения заключения по претензиям», предъявленным Катаром в его исковом заявлении, и что эти претензии являются неприемлемыми.

В своей апелляции государства-заявители в обоснование компетенции Суда ссылаются на статью 84 Чикагской конвенции, а также на пункт 1 статьи 36 и на статью 37 Статута Суда.

В контексте решения Суда по настоящей апелляции государства-заявители совместно именуются «заявители». В контексте упоминаний о разбирательстве в Совете ИКАО соответствующие государства именуются «ответчики».

I. Введение (пункты 21–36)

A. Обстоятельства дела (пункты 21–26)

Суд поясняет, что 5 июня 2017 года правительства Бахрейна, Египта, Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии разорвали дипломатические отношения с Катаром и приняли ряд запретительных мер, касающихся наземного, морского и воздушного сообщения с Катаром, включая

определенные ограничения на использование воздушного пространства. В соответствии с этими мерами всем зарегистрированным в Катаре воздушным судам заявители запретили приземляться в своих аэропортах и вылетать из них и лишили их права пролета над своими территориями, включая территориальные воды в пределах соответствующих районов полетной информации. Определенные ограничения также распространялись на самолеты, не зарегистрированные в Катаре, которые совершали полеты в Катар и из Катара и должны были получать предварительное разрешение от органов гражданской авиации заявителей. По мнению заявителей, эти ограничительные меры были приняты в ответ на предполагаемое нарушение Катаром своих обязательств по некоторым международным соглашениям, сторонами которых являются заявители и Катар, а именно Эр-Риядского соглашения от 23 и 24 ноября 2013 года, Механизма реализации Эр-Риядского соглашения от 17 апреля 2014 года и Дополнительного Эр-Риядского соглашения от 16 ноября 2014 года, а также других обязательств по международному праву.

30 октября 2017 года на основании статьи 84 Чикагской конвенции Катар подал в Совет ИКАО заявление и меморандум, в которых утверждал, что ограничения на полеты, введенные Бахрейном, Египтом, Объединенными Арабскими Эмиратами и Саудовской Аравией, являются нарушением их обязательств по Чикагской конвенции. 19 марта 2018 года Бахрейн, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия в качестве ответчиков в ходе разбирательств в Совете ИКАО выдвинули два предварительных возражения. В случае первого возражения они утверждали, что Совет ИКАО не обладает юрисдикцией в соответствии с Чикагской конвенцией, поскольку на самом деле спор между сторонами касался вопросов, выходящих за рамки этого документа, включая вопрос о том, могут ли ограничения в сфере воздушных перевозок быть квалифицированы как законные меры реагирования, согласующиеся с нормами международного права. В случае второго возражения они утверждали, что Катар не выполнил предварительное условие, касающееся проведения переговоров, изложенное в статье 84 Чикагской конвенции и отраженное в пункте g) статьи 2 Правил урегулирования споров ИКАО, и что, следовательно, либо Совет не обладает юрисдикцией для рассмотрения претензий, выдвинутых Катаром, либо заявление Катара неприемлемо. Решением от 29 июня 2018 года Совет ИКАО 23 голосами против 4 при 6 воздержавшихся отклонил эти предварительные возражения, рассматривая их как одно возражение.

4 июля 2018 года заявители обратились в Суд с совместным заявлением, в котором обжаловали решение Совета от 29 июня 2018 года.

В. Апелляционная функция Суда и сфера применения права на апелляционное разбирательство в Суде (пункты 27–36)

Суд отмечает, что в статье 84 Чикагской конвенции указано, что если какое-либо разногласие между двумя или более Договаривающимися государствами, касающееся толкования или применения Конвенции и ее Приложений, не может быть урегулировано путем переговоров, то это разногласие подлежит урегулированию Советом ИКАО. Решение Совета может быть обжаловано либо в специальном арбитражном суде, согласованном между сторонами спора, либо в Постоянной палате международного правосудия. Согласно статье 37 Статута

Международного Суда, «[во всех случаях], когда действующие договор или конвенция предусматривают передачу дела <...> Постоянной палате международного правосудия, дело между сторонами — участницами настоящего Статута должно передаваться в Международный Суд». Таким образом, согласно статье 84, Суд компетентен рассматривать обжалование решения Совета ИКАО.

Суд отмечает, что статья 84 озаглавлена «Урегулирование споров», тогда как текст статьи начинается словами «любые разногласия». В этом контексте Суд напоминает, что его предшественник, Постоянная палата международного правосудия, определила понятие спора как «разногласие по вопросу права или факта, конфликт правовых взглядов или интересов между двумя лицами». Суд отмечает, что заявители обжалуют решение Совета ИКАО по предварительным возражениям, которые они выдвинули в ходе разбирательства в Совете. В тексте статьи 84 не говорится, что обжалованию подлежат только окончательные решения Совета ИКАО по существу рассматриваемых им споров. Тем не менее Суд принял решение по этому вопросу в 1972 году при рассмотрении первого обжалования решения Совета ИКАО и постановил, что обжалование решения Совета в отношении его собственной юрисдикции должно считаться приемлемым, поскольку, с точки зрения контроля со стороны Суда за действительностью актов Совета, нет оснований проводить разграничение между контролем в отношении юрисдикции и контролем в отношении существа дела (*Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council (India v. Pakistan), Judgment, I.C.J. Reports 1972*, p. 61, para. 26). Таким образом, Суд считает, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения настоящего апелляционного заявления.

Что касается сферы применения права подачи апелляции, то Суд напоминает, что его роль в надзоре за Советом при осуществлении последним функций по урегулированию споров в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции заключается в определении правильности оспариваемого решения Совета. В данном случае задача Суда — определить, совершил ли Совет ошибку, отклонив предварительные возражения заявителей в отношении юрисдикции Совета ИКАО и в отношении приемлемости заявления Катара.

II. Основания для обжалования решения (пункты 37–125)

Суд отмечает, что он не обязан рассматривать три основания для подачи апелляции в том порядке, в котором на них ссылаются заявители. Суд начинает с рассмотрения оснований, относящихся к предполагаемым ошибкам Совета ИКАО, допущенным им при принятии решения об отклонении возражений заявителей (второе и третье основания для подачи апелляции). Затем Суд рассматривает основание, относящееся к предполагаемому явному нарушению надлежащей правовой процедуры в ходе разбирательства в Совете (первое основание для подачи апелляции).

A. Второе основание для подачи апелляции: отклонение Советом ИКАО первого предварительного возражения (пункты 41–63)

Суд отмечает, что, приводя свое второе основание для подачи апелляции, заявители утверждают, что при отклонении первого предварительного возражения в отношении его компетенции Совет ИКАО опирался на ошибочную аргументацию в отношении фактов и правовых аспектов. По мнению заявителей, для вынесения решения по данному спору от Совета потребовалось бы вынести

решения по вопросам, выходящим за рамки его юрисдикции, в частности по вопросу о законности мер реагирования, принятых заявителями, включая введение ими «определенных ограничений на использование воздушного пространства». В качестве альтернативного аргумента и по тем же причинам заявители утверждают, что претензии Катара неприемлемы.

1. *Вопрос о том, имеет ли толкование или применение Чикагской конвенции отношение к спору между сторонами (пункты 41–50)*

Сначала Суд должен определить, является ли разбирательство, возбужденное Катаром в Совете ИКАО, результатом разногласий между заявителями и Катаром в отношении толкования или применения Чикагской конвенции и ее Приложений. Юрисдикция Совета *ratione materiae* ограничена положениями статьи 84 Чикагской конвенции в отношении такого рода разногласий.

Суд отмечает, что в заявлении и меморандуме, которые Катар подал в Совет ИКАО 30 октября 2017 года, Катар просил Совет постановить, что ответчики совершили действия против Государства Катар в нарушение своих обязательств по Чикагской конвенции, ее Приложениям и другим нормам международного права. Катар также просил Совет выразить сожаление по поводу нарушения ответчиками основополагающих принципов Чикагской конвенции и ее Приложений. В связи с этим Катар просил Совет настоятельно призвать ответчиков незамедлительно снять все ограничения, введенные в отношении зарегистрированных в Катаре воздушных судов, и выполнить свои обязательства по Чикагской конвенции и ее Приложениям и добросовестно вести в будущем переговоры в интересах обеспечения согласованности сотрудничества в регионе для обеспечения охраны, безопасности, непрерывности и экономической целесообразности в сфере международной гражданской авиации. В своем меморандуме Катар назвал ряд положений Чикагской конвенции, которым, по его мнению, не соответствуют меры, принятые ответчиками, в частности статьи 2, *3bis*, 4, 5, 6, 9, 37 и 89.

Суд считает, что разногласия между сторонами, вынесенные на рассмотрение Совета ИКАО, действительно касаются толкования и применения Чикагской конвенции и ее Приложений и поэтому подпадают под действие статьи 84 Конвенции. Тот факт, что данные разногласия возникли в более широком контексте, не лишает Совет ИКАО его юрисдикции в соответствии с указанной статьей.

Суд также не может согласиться с аргументом, что Совет не обладает юрисдикцией для рассмотрения претензий Катара, поскольку заявители считают законными контрмерами ограничения в сфере воздушного транспорта, введенные ими в отношении зарегистрированных в Катаре воздушных судов. Принятие контрмер относится к числу обстоятельств, способных предотвратить незаконные с точки зрения международного права действия, и подобные меры иногда используются в качестве механизмов защиты. Существование вероятности того, что в ходе рассмотрения дела по существу в Совете ИКАО ответчик выдвинет возражение, основанное на контрмерах, само по себе не имеет никаких последствий для юрисдикции Совета в рамках, определенных в статье 84 Чикагской конвенции.

Поэтому Суд заключает, что Совет не совершил ошибки, когда отклонил первое предварительное возражение заявителей, касающееся его юрисдикции.

2. *Вопрос о том, являются ли претензии Катара неприемлемыми с точки зрения концепции «уместности судебного вмешательства» (пункты 51–62)*

По мнению Суда, вопрос заключается в том, было ли решение Совета ИКАО об отклонении первого предварительного возражения в части, касающейся приемлемости требований Катара, правильным. Другими словами, Суд должен установить, являются ли претензии, вынесенные на рассмотрение Совета, приемлемыми.

Суд отмечает, что в случае Совета ИКАО трудно говорить о применимости концепции «уместности судебного вмешательства». Совет является постоянным органом, подотчетным Ассамблее ИКАО и состоящим из представителей, выдвинутых государствами — членами ИКАО и избранных ее Ассамблеей, а не из независимых лиц, действующих в своем личном качестве, как это имеет место в случае судебных органов. Помимо исполнительных и административных функций, указанных в статьях 54 и 55 Чикагской конвенции, Совет, согласно статье 84 Конвенции, был наделен функцией урегулирования разногласий между двумя или более договаривающимися государствами, касающихся толкования или применения Конвенции и ее Приложений. Однако это не означает, что Совет ИКАО является судебной инстанцией в прямом смысле этого понятия. Суд считает, что в любом случае целостность функции Совета ИКАО по урегулированию споров не нарушается, когда Совет рассматривает вопросы, выходящие за рамки темы гражданской авиации, исключительно с целью урегулирования споров, подпадающих под действие юрисдикции Совета в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции. Поэтому потенциальная необходимость рассмотрения Советом ИКАО вопросов, выходящих за рамки Чикагской конвенции, исключительно в целях урегулирования разногласий, связанных с толкованием или применением Чикагской конвенции, не делает неприемлемым поданное в Совет заявление, касающееся таких разногласий.

Таким образом, Суд заключает, что Совет не допустил ошибки, отклонив первое предварительное возражение в той части, в которой ответчики утверждали, что претензии Катара неприемлемы.

*

С учетом вышеизложенного Суд считает, что второе основание для подачи апелляции не может быть поддержано.

В. Третье основание для подачи апелляции: отклонение Советом ИКАО второго предварительного возражения (пункты 64–107)

Суд отмечает, что в качестве своего третьего основания для подачи апелляции заявители утверждают, что Совет ИКАО совершил ошибку, когда отклонил второе предварительное возражение, которое они выдвинули в качестве ответчиков в ходе разбирательства в Совете. Они утверждают, что Совет ИКАО не обладает юрисдикцией, поскольку Катар не выполнил предварительное условие, касающееся проведения переговоров и предусмотренное в статье 84 Чикагской конвенции, и что заявление, поданное Катаром в Совет ИКАО,

неприемлемо, поскольку оно было подано в нарушение пункта g) статьи 2 Правил урегулирования споров ИКАО.

1. Предполагаемое невыполнение Катаром предварительного условия о проведении переговоров до подачи заявления в Совет ИКАО (пункты 65–98)

Суд отмечает, что статья 84 Чикагской конвенции является частью главы XVIII Конвенции, озаглавленной «Споры и невыполнение обязательств». В этой главе предусмотрена процедура урегулирования споров, применяемая в случае разногласий, касающихся толкования или применения Конвенции и ее Приложений. В статье 84 конкретно указывается, что разногласие урегулируется Советом только в том случае, если оно «не может быть урегулировано путем переговоров». Суд также отмечает, что в статье 14 Правил урегулирования споров ИКАО предусматривается, что Совет может предложить сторонам спора вступить в прямые переговоры. Суд также отмечает, что ссылка в статье 84 Чикагской конвенции на разногласие, которое «не может быть урегулировано путем переговоров», схожа с формулировками арбитражных оговорок, предусмотренных в ряде других договорных инструментов. В прошлом в ряде случаев Суд признавал, что подобные арбитражные оговорки включают предварительное условие о проведении переговоров, которое должно быть выполнено до обращения в Суд для установления юрисдикции Суда. Суд считает, что эта судебная практика также относится к толкованию и применению статьи 84 в контексте установления юрисдикции Совета ИКАО. Таким образом, договаривающееся государство обязано предпринять добросовестную попытку провести переговоры с другим заинтересованным государством или другими заинтересованными государствами до подачи заявления в соответствии со статьей 84. Если переговоры или попытки проведения переговоров безрезультатны или заходят в тупик, то разногласие «не может быть урегулировано путем переговоров» и предварительное условие для возникновения юрисдикции Совета ИКАО считается удовлетворенным. По мнению Суда, добросовестная попытка проведения переговоров может быть предпринята вне рамок двусторонней дипломатии. Обсуждения между членами международной организации также признаются в качестве одного из традиционных видов международных переговоров.

Суд отмечает, что в ответ на предварительное возражение, представленное Совету ИКАО, Катар сослался на ряд сообщений в июне и июле 2017 года, в которых он призвал Совет принять меры в отношении ограничений в сфере воздушного транспорта. Эти сообщения касались как ограничений в сфере воздушного транспорта, так и положений Чикагской конвенции, которые, по мнению Катара, имеют отношение к этим ограничениям. По мнению Суда, компетенция ИКАО, несомненно, распространяется на вопросы пролета над территорией договаривающихся государств, поскольку эти вопросы рассматриваются в Чикагской конвенции. Попытки, предпринятые Катаром в рамках ИКАО, непосредственно касались предмета разногласий, которые впоследствии стали основой для его обращения в Совет ИКАО в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции. Суд заключает, что Катар предпринял в рамках ИКАО добросовестные попытки урегулировать разногласия с заявителями относительно толкования и применения Чикагской конвенции путем переговоров.

Что касается вопроса о безрезультатности или тщетности усилий по урегулированию разногласий в рамках ИКАО до подачи заявления в Совет ИКАО, то Суд ранее заявлял, что требование о выполнении предварительного условия проведения переговоров не может рассматриваться с точки зрения теоретической невозможности достижения урегулирования. Наоборот, это требование подразумевает, что [...] речь идет о практической невозможности урегулирования разногласий путем дальнейших переговоров. В решениях по прошлым делам Суд заключал, что требование о добросовестных попытках урегулировать спор путем проведения переговоров считается выполненным, когда в результате серии обменов дипломатической перепиской и/или встреч базовые позиции сторон не изменились. По мнению Суда, выяснение вопроса о достаточности усилий по проведению переговоров является вопросом факта.

Суд отмечает, что в преддверии внеочередной сессии Совета ИКАО 31 июля 2017 года, которая должна была состояться по просьбе Катара, заявители представили рабочий документ, в котором призывали Совет ограничить все обсуждения по пункту *n*) статьи 54 Чикагской конвенции вопросами, связанными с безопасностью международной авиации. В ходе внеочередной сессии Совет сосредоточился на вопросах, отличных от авиационных ограничений, которые впоследствии стали предметом обращения Катара в Совет ИКАО, уделив особое внимание чрезвычайным мерам по обеспечению воздушного сообщения над открытым морем. Суд считает, что на момент закрытия внеочередной сессии урегулирование разногласий путем переговоров в рамках ИКАО не представлялось возможным. Суд также принимает во внимание события, происшедшие за пределами ИКАО. Дипломатические отношения между Катаром и заявителями были разорваны 5 июня 2017 года одновременно с введением последними ограничений в сфере воздушного транспорта. С учетом этих обстоятельств Суд считает, что на момент подачи Катаром заявления в Совет ИКАО не существовало практических возможностей для урегулирования разногласий между сторонами в отношении толкования и применения Чикагской конвенции путем переговоров, будь то в Совете ИКАО или в рамках других механизмов. Суд также напоминает, что, по утверждению Катара, последний столкнулся с ситуацией, в которой тщетность переговоров была настолько очевидна, что предварительное условие проведения переговоров, предусмотренное статьей 84, могло быть выполнено и без выполнения требования о том, чтобы Катар предпринял добросовестную попытку урегулировать разногласия путем переговоров. Поскольку Суд уже установил, что Катар предпринял такую попытку, которая не привела к урегулированию спора, Суду нет необходимости рассматривать этот аргумент.

По причинам, изложенным выше, Суд считает, что Совет ИКАО не ошибся, отклонив возражение, выдвинутое ответчиками в ходе разбирательства в Совете и касающееся того, что Катар не выполнил предварительное условие проведения переговоров, предусмотренное статьей 84 Чикагской конвенции, до подачи своего заявления в Совет ИКАО.

2. *Вопрос о том, допустил ли Совет ИКАО ошибку, когда не счел заявление Катара неприемлемым на основании пункта g) статьи 2 Правил урегулирования споров ИКАО (пункты 99–105)*

Суд отмечает, что в статье 2 Правил урегулирования споров ИКАО изложена основная информация, которая должна содержаться в меморандуме, прилагаемом к заявлению, поданному в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции, чтобы облегчить Совету ИКАО рассмотрение соответствующего заявления. Требования в отношении заявления о переговорах (пункт g) статьи 2) учитывают предварительное условие о проведении переговоров, содержащееся в статье 84 Чикагской конвенции.

Заявление и меморандум Катара, поданные в Совет ИКАО, содержат «Заявление о попытках проведения переговоров», в котором Катар указывает, что ответчики в контексте разбирательств в Совете ИКАО отказались от переговоров по вопросу об ограничениях в сфере воздушного транспорта. Генеральный секретарь подтвердила, что она удостоверилась в том, что заявление Катара соответствует формальным требованиям статьи 2 [...] Правил [урегулирования разногласий] до направления заявления Катара ответчикам в контексте разбирательства в Совете ИКАО. Вопрос существа, то есть вопрос о том, выполнил ли Катар предварительное условие о проведении переговоров, был рассмотрен Советом в ходе разбирательства по предварительным возражениям в соответствии со статьей 5 Правил урегулирования споров ИКАО.

Суд не видит причин для вынесения заключения о том, что Совет ИКАО ошибся, не объявив заявление Катара, поданное в Совет ИКАО, неприемлемым по причине несоблюдения пункта g) статьи 2 Правил урегулирования споров ИКАО.

*

По причинам, изложенным выше, Суд не может поддержать третье основание для подачи апелляции.

C. Первое основание для подачи апелляции: предполагаемое явное нарушение надлежащей правовой процедуры в ходе разбирательства в Совете ИКАО (пункты 108–124)

Суд напоминает, что в своем первом основании для подачи апелляции заявители утверждают, что решение Совета должно быть отменено, поскольку процедура, принятая Советом ИКАО, явно несовершенна и противоречит фундаментальным принципам надлежащей правовой процедуры и права на справедливое разбирательство.

Суд отмечает, что в своем решении по делу об *Апелляции относительно юрисдикции Совета ИКАО (Индия против Пакистана)* он заключил, что, применительно к рассматриваемому разбирательству, Совет ИКАО принял правильное решение относительно своей юрисдикции, что является объективным вопросом права. Суд также отметил, что процессуальные нарушения, на которые указывал заявитель, никоим образом не противоречат принципам надлежащей правовой процедуры. Суд не счел необходимым рассматривать вопрос о том,

должно ли юридически правильное решение Совета ИКАО быть аннулировано из-за процессуальных нарушений.

По результатам рассмотрения настоящего дела Суд отклоняет второе и третье основания для подачи апелляции заявителей в отношении решения Совета ИКАО. Суд считает, что вопросы, поставленные в предварительных возражениях, которые были представлены Совету в связи с данным делом, являются объективными вопросами права. Суд также считает, что процедуры, которым следовал Совет, ни каким серьезным образом не противоречат принципам справедливого разбирательства.

По причинам, изложенным выше, первое основание для подачи апелляции не может быть поддержано.

* * *

Ссылаясь на свое предыдущее замечание, содержащееся в решении Суда по делу об *Апелляции относительно юрисдикции Совета ИКАО (Индия против Пакистана)*, о том, что статья 84 Чикагской конвенции наделяет Суд полномочиями ограниченного контроля за решениями Совета ИКАО, Суд подчеркивает, что ему будет легче рассматривать будущие апелляционные заявления в отношении решений Совета ИКАО, если в этих решениях будет содержаться юридическое и фактологическое обоснование заключений Совета ИКАО.

III. Постановляющая часть (пункт 126)

Суд

1) единогласно

отклоняет апелляцию, поданную Королевством Бахрейн, Арабской Республикой Египет, Королевством Саудовская Аравия и Объединенными Арабскими Эмиратами 4 июля 2018 года в связи с решением Совета Международной организации гражданской авиации от 29 июня 2018 года;

2) пятнадцатью голосами против одного

подтверждает, что Совет Международной организации гражданской авиации обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления, поданного ему 30 октября 2017 года правительством Государства Катар, и что указанное заявление является приемлемым;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Кроуфорд, Геворгян, Салам, Ивасава; судья *ad hoc* Доде;

ПРОТИВ: судья *ad hoc* Берман.

* *

судья Кансаду Триндади приложил к постановлению Суда отдельное мнение; судья Геворгян приложил к постановлению Суда заявление; судья *ad hoc* Берман приложил к постановлению Суда отдельное мнение.

*

* *

Отдельное мнение судьи Кансаду Триндади

1. В деле *Апелляция относительно юрисдикции Совета ИКАО по статье 84 Конвенции о международной гражданской авиации (ИКАОА)* судья Кансаду Триндади представляет свое особое мнение, состоящее из девяти частей, где он начинает с указания на то, что, хотя он и согласен с заключением *dispositif* МСООН (ИКАОА, пункт 126), он делает это со ссылкой на конкретные соображения и указывает на свое несогласие с трактованием вопроса о так называемых «контрмерах» (пункт 2). Он выбирает этот вопрос, поднятый государствами-заявителями, чтобы в своем отдельном мнении рассмотреть отсутствие у них правовых оснований и негативные последствия для международного права и ответственности государств, а также задокументировать свою личную позицию по этому вопросу.

2. Судья Кансаду Триндади начинает с рассмотрения «контрмер», на которые необоснованно ссылаются государства-заявители в нарушение основных принципов международного права и ответственности государств. Напоминая, что международный правопорядок основан на принципах справедливости, а не на применении силы (пункт 10), он предостерегает:

принятие контрмер похоже на старую практику возмездия и в любом случае основано на применении силы, а не на принципах справедливости. Применение таких мер указывает на недостаточность понимания сути принципа ответственности государств (пункт 9).

3. Судья Кансаду Триндади далее предостерегает, что следует ориентироваться не на средства принуждения, а на чувство совести и соображения правомерности и необходимости, не забывая об основных принципах международной ответственности государств; то есть в интересах повышения эффективности механизмов международного публичного права следует фокусировать внимание на аспектах права, а не на применении силы; на том, чтобы действовать по совести, а не навязывать «волю» (пункт 12). Он выражает глубокое сожаление в связи с тем, что государства-заявители в данном деле ИКАОА ссылались на «контрмеры» в ущерб принципам международного права (пункт 13).

4. Далее судья Кансаду Триндади подробно рассматривает подробную и убедительную критику «контрмер», представленную в протоколах соответствующих обсуждений как в Комиссии международного права ООН, так и в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН (части III и IV, соответственно) в процессе подготовки (1992–2001 г.) статей Комиссии международного права об ответственности государств (2001 г.). Он показывает, как в ходе продолжительных обсуждений юристы с разных континентов подвергли резкой критике включение «контрмер» в этот документ.

5. Он добавляет, что, несмотря на жесткую критику соответствующих положений этого документа в течение всего процесса его подготовки, на удивление и к сожалению нашлись сторонники включения «контрмер» в этот документ без каких бы то ни было юридических оснований; далее судья Кансаду Триндади указывает, что

вызывает удивление и сожаление, что сам МС упоминает «контрмеры» в своем решении от 25.09.1997 г. по делу *Проект «Габчиково — Надьмарош» (Венгрия против Словакии)* (пункты 82–85) и что Суд снова рассматривает вопрос о «контрмерах» в сегодняшних решениях по двум делам *ИСаОА* и *ИСаОВ* (пункт 49 в обоих решениях) (пункт 38).

6. После этого он фокусирует внимание на необходимости обеспечения главенства принципов судебного урегулирования над «волей» государств и далее критикует инициативы, касающиеся рассмотрения так называемых «контрмер» (пункты 40–41), и напоминает о мудрости истинных юристов прошлого, подчеркивавших важность истинного правосудия (пункты 42–44). Затем судья Кансаду Триндади добавляет, что, к сожалению, в данном деле МС ООН вновь повторяет свое мнение о том, что юрисдикция основывается на согласии государства, против чего он всегда выступал в Суде: в его понимании человеческая совесть превышает *voluntas* (пункт 39).

7. Далее он напоминает, что именно эту позицию он отстаивал в МС ООН, о чем свидетельствуют, например, его пространные рассуждения в особом мнении по делу *Application of the CERD Convention (Georgia versus Russian Federation, Judgment of 01.04.2011)* (пункты 45–52). В его понимании, в наше время необходимо обеспечить восстановление и развитие *jus gentium* в соответствии с *recta ratio* как нового и действительно *универсального закона для человечества*. Таким образом будет обеспечено более чувствительное отношение к выявлению и реализации высших общих ценностей и целей, касающихся всего человечества (пункт 52).

8. Затем судья Кансаду Триндади переходит к другой части (VI) своего особого мнения, где он излагает собственные размышления о международном правовом мышлении и превалировании человеческой совести (*recta ratio*) над «волей». Он рассматривает тему выявления и расцвета *recta ratio* в контексте исторической гуманизации международного права, начиная с трудов его «отцов-основателей» XVI и XVII веков (пункты 54–63), уделяя особое внимание зарождению *jus gentium* в сфере естественного права, развивающегося по сей день. Концепция *recta ratio* и справедливости, согласно которой люди изначально обладают человеческим достоинством, стала рассматриваться как необходимое условие для обеспечения верховенства международного права (пункт 54).

9. Далее он подвергает резкой критике персонификацию могущества государства, которое, как ни прискорбно, оказывает негативное влияние на международное право в конце XIX века и в первые десятилетия XX века; «волюнтаристский позитивизм», основанный на согласии или «воле» государства, который стал главным мерилom, лишаящим человека *jus standi* и подразумевающим строгое преобладание межгосударственного права, нормы

которого более *не превалируют*, но становятся *предметом сговора* между государствами, что в свою очередь ведет к безответственности государств, уверовавших в свое всемогущество и не боящихся совершать бесконечные злодеяния против людей, имеющие катастрофические последствия (пункты 64 и 65). При этом судья Кансаду Триндади добавляет, что вера в *droit des gens*, к счастью, сохранилась, поскольку

со времен отцов-основателей международного права, основанного на *recta ratio*, и до наших дней естественно-правовое мышление в сфере международного права никогда не исчезало; оно сохранилось несмотря ни на что благодаря вечной борьбе человеческого сознания против бесконечного угнетения людей, которые, к сожалению, находясь под давлением юридического позитивизма, надеются спастись за счет раболепия и трусости (пункт 66).

10. Он добавляет, что «непрекращающееся возрождение» естественного права укрепляет гарантии универсальности прав, присущих всем людям, преодолевая проблему самодостаточности позитивных норм, лишенных универсальности из-за различий, обусловленных социальной средой, и признает важность фундаментальных принципов международного права (пункт 68). Чтобы сохранить в наши дни это наследие развивающегося *jus gentium*, продолжает он, необходимо последовательно защищать универсальность концепции международного права и поощрять приверженность всеобщим идеалам и признание широкой концепции международной правосубъектности (в том числе отдельных людей и человечества в целом); это может придать импульс усилиям по более адекватному решению проблем, относящихся к *jus gentium* нашего времени, и способствовать трансформации международного права в право человечества (cf. A. A. Cançado Trindade, *International Law for Humankind Towards a New Jus Gentium*, 3rd. rev. ed., The Hague, Nijhoff/The Hague Academy of International Law, 2020, pp. 1–655) (пункт 69).

11. Судья Кансаду Триндади далее напоминает, что нормы современного международного права основаны на механизмах защиты людей в неблагоприятных ситуациях (международное право прав человека, международное гуманитарное право, международное право прав беженцев), а также на действии норм права международных организаций (пункт 70). Осознание и уважение основополагающих принципов международного права является необходимым условием для обеспечения реализации прав (пункт 71). По его мнению, основная ошибка юридических позитивистов заключается в минимизации *принципов*, которые лежат в основе любой правовой системы (национальной или международной) и определяют новый порядок отправления правосудия (пункт 73).

12. Эти рассуждения наводят судью Кансаду Триндаде на мысль о «всеобщей юридической совести», требующей отказаться от волонтаризма и таких концепций, как «контрмеры». Он размышляет, что для тех, кто посвятил жизнь международному праву, очевидно, что для правильного понимания его основ и применения необходимо опираться на «всеобщую юридическую совесть», истоком которой являются принципы *recta ratio*, превалирующие над концепцией «воли». В противоположность, приверженцы юридического

позитивизма неизменно уповают на «волю» государства. Отвергая эту точку зрения, он делает следующие критические замечания:

человечество как субъект международного права нельзя рассматривать как население того или иного государства; определено, что государства должны находиться на службе человечества, которое, соответственно, является субъектом современного международного права.

Очевидно, что человеческая совесть существенно значимее «воли». Истоком зарождения, формирования, развития и расширения сферы охвата международного права (*droit des gens*) является *recta ratio*, и международное право зиждется на общих принципах законности и на общечеловеческих идеалах. Закон и справедливость взаимосвязаны, они развиваются вместе. К сожалению, подавляющее большинство практиков в области международного права переоценивают значимость «воли» спорящих сторон, не осознавая важности фундаментальных принципов и высших человеческих идеалов.

Применение концепций волюнтаризма и позитивизма наносит ущерб системе международного права. Так называемые «контрмеры» являются примером вытекающей из этого «деконструкции», которая не должна применяться в юридической практике (пункты 75–78).

13. Таким образом, судья Кансаду Триндади последовательно концентрирует внимание на взаимосвязи между законом и справедливостью, указывая, что общие принципы права лежат в основе нового *jus gentium*. В завершение он говорит, что, наконец, следует рассмотреть несколько других вопросов: во-первых, это вопрос о человечестве в контексте *corpus juris gentium* (пункты 79–81); во-вторых, это вопрос о человеческих страданиях и о необходимости защиты пострадавших; и, в-третьих, это вопрос о взаимосвязи между законом и справедливостью, то есть о взаимосвязи, которая должна лежать в основе юриспруденции. Что касается первого пункта, то он отмечает, что в настоящее время развивающаяся универсализация и гуманизация международного права основаны на постулатах отцов-основателей этой дисциплины и учитывает нужды и чаяния международного сообщества и человечества в целом (пункт 82).

14. Что касается второго пункта, то он подчеркивает, что необходимо уделять внимание последствиям человеческой жестокости, а также обеспечению защиты жертв несправедливости и других пострадавших (пункты 83–85). Он напоминает, что в историческом 1948 году международное право как бы само проявило заботу о человечестве, примером чего является последовательное принятие в этом году, например, Американской декларации прав и обязанностей человека ОАГ (02.05.1948 г.), Конвенции Организации Объединенных Наций против геноцида (09.12.1948 г.) и Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций (10.12.1948 г.); с этого исторического момента началось настоящее развитие международного права прав человека, а человек стал значим и обрел неотъемлемые права *corpus juris gentium* (пункт 86).

15. Что касается третьего пункта, то судья Кансаду Триндади отмечает, что признание взаимосвязи между законом и справедливостью стало определять юридическую практику, чтобы избежать неоправданного и прискорбного несоответствия между *законом* и *справедливостью*, возникшего по вине юридических позитивистов (пункт 87). Ясно следующее:

закон и справедливость нераздельны, и их концепции развиваются одновременно. В конечном итоге, именно в естественно-правовом мышлении понятие справедливости всегда занимало центральное место, и именно на этом понятии основывалось законодательство как таковое. В его собственном восприятии и понимании справедливость как таковая лежит в основе всех аспектов права и является конечной целью правоприменения (A. A. Cançado Trindade, “Reflexiones sobre la Presencia de la Persona Humana en el Contencioso Interestatal ante la Corte Internacional de Justicia: Desarrollos Recientes”, Anuario de los Cursos de Derechos Humanos de Donostia-San Sebastián — Universidad del País Vasco (2017), Vol. 17, pp. 223–271) (пункт 89).

16. Кроме того, он подчеркивает, что концепции международного права могут надлежащим образом рассматриваться только в контексте его основ и принципов, которые зиждутся на *corpus juris* и естественно-правовом мышлении (пункт 90). Затем судья Кансаду Триндади напоминает (пункты 91, 92 и 94), что на протяжении многих лет он излагал эту мысль и она была отражена в прецедентном праве МС, например в его отдельном мнении по консультативному заключению Международного Суда (от 22.07.2010 г.) *О провозглашении независимости Косово*; в его отдельном мнении по консультативному заключению Международного Суда (от 25.02.2019 г.) *О правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 году*; его несогласном мнении по решению МС (от 01.04.2011 г.) по делу *О применении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Грузия против Российской Федерации)*.

17. Кроме того, в своем особом мнении по делу *Применение Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина против Российской Федерации, предварительные возражения, решение от 08.11.2019 г.)* он обращает внимание на актуальность права на возмещение (пункт 95). И в лекции, прочитанной им в Гаагской академии международного права в 2017 году, судья Кансаду Триндади говорит, что основополагающая позиция международных трибуналов может быть только принципиальной, то есть не допускающей неоправданных уступок навязывающим свою волю государствам; в эволюции “*jus gentium* основополагающие соображения о человеке играют важнейшую роль (A. A. Cançado Trindade, “Les tribunaux internationaux et leur mission commune de réalisation de la justice: développements, état actuel et perspectives”, *Recueil des Cours de l’Académie de Droit International de La Haye* (2017), Vol. 391, pp. 59 and 61–62)” (пункт 93).

18. Международные трибуналы, помимо разрешения споров, продолжает он, имеют право определять, что такое закон (*juris dictio*), имея в виду, что

современная концепция *droit des gens* применяется непосредственно к государствам, международным организациям, народам и отдельным лицам, а также к человечеству в целом. Достигнутые на сегодняшний день успехи обусловлены осознанием того, что совесть человека стоит выше «воли»; в конечном итоге, основы международного права явно проистекают из человеческой совести, универсального юридического сознания, а не из так называемой «воли» отдельных государств (пункты 96–99).

19. Однако эти успехи следовало бы проанализировать более тщательно, поскольку, по его мнению, МС, вместо того чтобы сосредоточиться на общих принципах права, уделяет чрезмерно много внимания вопросам «согласия» государств, с чем он категорически не согласен. В понимании судьи Кансаду Триндади общие принципы права лежат в основе международного права, являясь необходимыми для осуществления правосудия, и их следует иметь в виду в более широких рамках, включающих расширение международной юрисдикции и сопутствующее расширение международной правосубъектности и дееспособности, а также международной ответственности и соответствующих механизмов реализации прав (пункт 99).

20. Такое расширение (концепций международной юрисдикции, правосубъектности и дееспособности, ответственности) характерное для нашего времени, добавляет он, способствует позитивным изменениям в историческом процессе и *гуманизации* международного права. Бывали случаи, когда истинный прогресс достигался в результате тяжелых усилий по решению хронических проблем¹, что требовало отказа от застарелых догм; он подчеркивает, что осуществление человеком своих прав по сути равносильно человеческому волеизъявлению, в том числе в контексте традиционных межгосударственных споров, рассматриваемых Международным Судом (пункт 100).

21. В заключение судья Кансаду Триндади излагает свои выводы, касающиеся вопросов, рассмотренных в его особом мнении. Он подчеркивает, что дела (*ICAOA* и *ICAOB*), находящиеся на рассмотрении МС ООН, еще раз показывают, что международное судебное разбирательство может быть надлежащим образом осуществлено только с учетом гуманистических аспектов и при условии, что в ходе разбирательства будут предприниматься усилия во избежание «подводных камней» устаревшего и опасного волюнтаристского взгляда на государство (пункт 105). По его мнению,

recta ratio и естественно-правовое мышление в международном праве никогда не исчезали до наших дней как вечное проявление человеческой души, отвергающей раболепие и трусость, недостойное поведение, которое диктуется юридическим позитивизмом и практикой надругательства над правами человека. (...) Обеспечить справедливость применения норм международного права

¹ В некоторых решениях, принятых в последнее десятилетие Международным Судом, Суд, как известно, выходил за рамки международного права в интересах справедливости, например при принятии решения по делу *A. S. Diallo (Guinea versus D. R. Congo, Judgments on merits, of 30.11.2010; and on reparations, of 19.06.2012*; в обоих случаях были приложены соответствующие отдельные мнения); и при принятии решения по делу *Frontier Dispute (Burkina Faso versus Niger, Judgment on the merits, of 16.04.2013*; к которому было приложено соответствующее отдельное мнение).

можно лишь опираясь на всеобщую юридическую совесть, основанную на *recta ratio* (пункт 106).

22. Традиционный «межгосударственный подход» к применению норм международного права, безусловно, требует по швам, и налицо расширение международной правосубъектности, которая сегодня распространяется не только на государства, но и на международные организации, отдельных лиц, народы и на человечество в целом (пункт 112). В настоящем особом мнении четко подтверждается, что основы международного права проистекают из человеческой совести, универсальной юридической совести, а не из так называемой «воли» отдельных государств (пункт 111).

23. Судья Кансаду Триндади утверждает, что общие принципы права являются проявлением всеобщего юридического сознания, и напоминает о необходимости постоянного внимания к обеспечению равновесия между законом и справедливостью; международное сообщество не может отступать от универсальных принципов и идеалов международного права, без уважения которых достижение справедливости невозможно. Настоящее дело *ИКАО* ясно показывает, что так называемые «контрмеры» являются необоснованными и не имеют никаких правовых зацепок, оправдывающих какие-либо юридические действия (пункты 109 и 110); Кроме того, он показывает важность понимания исторического процесса формирования международного права, а также необходимость того, чтобы Международный Суд был верен идеалам справедливости, которые по определению превалируют над «волей» государств (пункт 114).

Заявление судьи Геворгяна

В своем заявлении судья Геворгян объясняет свое несогласие с некоторыми аспектами аргументации Суда в отношении второго основания для подачи апелляции заявителей, особенно с аргументами, содержащимися в пунктах 48 и 61 решения Суда.

По его мнению, при определении компетенции Совета ИКАО Суд не должен опираться на судебную практику, касающуюся собственной компетенции, в частности на свое решение по делу *Дипломатический и консульский персонал Соединенных Штатов в Тегеране*. Существенные различия между этими двумя органами, включая тот факт, что Совет состоит не из независимых судей, а из членов, представляющих договаривающиеся государства, что эти члены действуют по указанию своих правительств, и что Совет в основном выполняет функции технического и административного характера, являются основанием считать, что принципы юрисдикции, которые применяются к Суду, не применяются в равной степени к Совету ИКАО.

Более того, Суд заходит слишком далеко, делая широкое заявление о том, что целостность функции Совета ИКАО по урегулированию споров «не пострадает», если Совет рассмотрит вопросы, не связанные с гражданской авиацией, для разрешения спора, в отношении которого он обладает юрисдикцией. Основным принципом остается то, что государства подпадают под юрисдикцию Совета только в той мере, в какой они дали на это согласие, а государства не давали согласия на рассмотрение Советом споров, не связанных

с гражданской авиацией. Необходимость придерживаться принципа согласия особенно важна в контексте работы Совета ИКАО, который имеет узкий мандат, в том что касается урегулирования споров.

Отдельное мнение судьи *ad hoc* Бермана

1. В своем отдельном мнении судья *ad hoc* Берман соглашается с тем, что государства-заявители не смогли доказать справедливость ни одно из своих трех оснований для подачи апелляции, и поэтому считает, что апелляция должна быть отклонена. Однако дальнейшие выводы Суда о том, что Совет обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления Катара, имеет мало общего с материалами, фактически представленными Суду обеими сторонами, и, если оставить этот вопрос без внимания и не дать необходимых разъяснений, весьма вероятно, что это приведет к непониманию и путанице в будущем, когда речь пойдет о применении статьи 84 Чикагской конвенции. Поэтому судья *ad hoc* Берман проголосовал против подпункта 2) пункта 126 решения и объясняет причины голосования в надежде, что это может оказать реальную помощь Совету ИКАО в будущем.

2. По мнению судьи *ad hoc* Бермана, по смыслу статьи 84 далеко не ясно, какими именно полномочиями она наделяет Совет ИКАО сверх тех, которые вытекают из других положений Чикагской конвенции в целом, в частности из положений, касающихся «обязательных» функций Совета, о которых говорится в статье 54; поэтому то, что добавляет к этому статья 84, должно быть связано с характером или правовым статусом решения Совета по заявлению, поданному ему в соответствии со статьей 84, а не с его компетенцией в отношении рассмотрения такого заявления. Используя в постановляющей части термин «юрисдикция» применительно к функциям Совета в контексте статьи 84, со всеми коннотациями, которые этот термин обычно несет в себе в отношении судебной власти и процессуальных аспектов, Суд, к сожалению, внес дополнительную путаницу, вместо того чтобы попытаться ее устранить.

3. Судья *ad hoc* Берман обращает внимание на формулировку статьи 84, которая относится к урегулированию «разногласий» между договаривающимися государствами, «касающихся» толкования или применения Конвенции. Хотя в заголовке используется термин «споры», а в основном тексте есть две ссылки на «спор», остается фактом, что то, для чего статья открывает путь и что Совет должен затем «решить», это «разногласия между двумя или более договаривающимися государствами», любое из которых, если они не договорятся, может подать заявление в Совет. Практика Суда в отношении положений о «юрисдикции» заключается в том, чтобы уделять их тексту пристальное внимание, следуя закрепленным в Венской конвенции принципам толкования договоров. Поэтому отказ Суда рассмотреть использование этих различных терминов, использованных в статье 84, вызывает разочарование, поскольку совсем не сложно придать каждому из двух разных терминов, используемых в этой статье, собственное значение, которое, таким образом, прояснит роль и функцию, возложенную на Совет в соответствии со статьей 84.

4. Таким образом, хотя статья 84 в целом, безусловно, может в каком-то смысле относиться к вопросу об «урегулирования споров», если ее рассматривать в широком экуменическом смысле статьи 33 Устава Организации Объединенных

Наций, использованная терминология, по мнению судьи *ad hoc* Бермана, явно не способствует упрощению процесса судебного урегулирования. И именно судебное урегулирование несет в себе понятие «юрисдикции» (*jus dicere*) и, следовательно, подразумевает принятие юридически обязательного решения.

5. К причинам, приведенным Судом в пункте 60 его решения и объясняющим, почему Совет не следует рассматривать как судебный орган в обычном смысле этого слова, судья *ad hoc* Берман добавляет тот факт, что члены Совета признаются действующими по поручению своих правительств, в том числе при осуществлении своих функций по статье 84. Он также считает, возможно, еще более значимым тот факт, что, разрабатывая свои собственные правила для выполнения статьи 84, Совет сам предусмотрел различные действия, такие как поощрение переговоров между сторонами с его помощью и назначение посредников, которые естественно и типично ассоциируются с высшим исполнительным органом важного технического агентства или с *amiable compositeur*, но не с каким-либо трибуналом. В принятом решении не содержатся выводы, которые следовало бы в нем отразить.

6. Поэтому судья *ad hoc* Берман задается вопросом, могли ли договаривающиеся государства Чикагской конвенции или, в свою очередь, сам Совет, стремясь удовлетворить их пожелания, думать о статье 84 как наделяющей Совет какой-либо судебной властью для принятия решения, имеющего обязательную юридическую силу, в отношении споров между государством-членом А и государством-членом В. Принимая во внимание тот наводящий на размышления факт, что статья 84 в буквальном смысле открывает право на апелляцию любому договаривающемуся государству, независимо от того, является ли оно стороной в споре, он находит убедительным другое прочтение статьи 84, согласно которому Совет имеет не «юрисдикцию», а скорее выполняет административную функцию, опираясь на свои уникальные знания и опыт в области гражданской авиации, вынося авторитетные постановления, имеющие общее применение в отношении того, что Конвенция означает и требует, независимо от того, является ли она частью конкретных споров между государствами-членами по поводу их взаимных прав и обязанностей. При таком прочтении статьи 84 решения Совета будут представлять собой авторитетные определения общего применения, имеющие равную силу для всех договаривающихся государств Чикагской конвенции, что существенно поспособствует оптимизации режима в сфере международной гражданской авиации. В то же время это позволило бы определить более четкую и более эффективную роль самого Суда в его апелляционной функции, не втягивая его в вопросы авиационной политики. Однако, поскольку ни один из этих вопросов, к сожалению, не был рассмотрен сторонами в их аргументации, вопрос остается открытым и будет решен Судом позднее, когда появится возможность и необходимость.

7. Судья *ad hoc* Берман добавляет два замечания более конкретного характера, касающиеся отдельных аспектов решения.

8. Первое относится к пункту 49 решения, где Суд по непонятным причинам не объясняет своего главного заключения о том, что Совет ИКАО не может быть лишен своих полномочий в соответствии со статьей 84 из-за того, что одна из сторон спора защищает свои действия на основаниях, не относящихся к сфере

применения Чикагской конвенции; из этого неизбежно следует, что ссылка на более широкую правовую защиту не может иметь эффект расширения компетенции Совета в соответствии со статьей 84. Это подразумевается в сказанном, но Суд упустил ценную возможность разъяснить это прямо.

9. Второе связано с вопросами надлежащей правовой процедуры, которые Суд кое-как рассмотрел в пунктах 122 и 123 решения без более тщательного анализа, как того требуют современные условия; подобный бесцеремонный подход к этому вопросу имел место лишь один раз при рассмотрении прецедентного дела в 1972 году. Можно легко представить себе обстоятельства, даже если они маловероятны, при которых серьезные процедурные нарушения могут сделать решение Совета недействительным или юридически неверным. Не должно быть места для того, чтобы из-за чрезмерно широких формулировок создавалось впечатление, что Суд относится к проблеме процессуальных нарушений с безразличием. Поэтому можно только приветствовать тот факт, что Суд в пункте 125 решения напомнил Совету ИКАО, что сама структура статьи 84 налагает определенные обязательные требования на сам Совет для того, чтобы эффективно реализовать право на обжалование, закрепленное в этой статье, в частности требование о приведении обоснований принятых решений. Вызывает разочарование тот факт, что Совет принял решения, которые в настоящее время обжалуются, без малейшего намека на их обоснование, вопреки своим собственным правилам; и было бы лучше, если бы Суд был готов заявить, в интересах будущего руководства Совета, что такое поведение юридически приемлемо.